

Демократ, феминист и друг детей

Люк Бессон уверен, что мужчины больше не имеют права управлять планетой

Екатерина Барабаш

Люк Бессон («Леон», «Атлантис», «Никита», «Подземка», «Пятый элемент», «История Жанны Д'Арк») не снимал кино как режиссер шесть лет. Последние годы он в основном продюсировал да писал книги-сказки. Бегать по съемочной площадке ему поднадоело. Он словно повзрослел, округлился и в какой-то момент почти перестал быть похож на вечно взъерошенного человека без возраста. Но оказалось, от судьбы не уйдешь, Бессон соскучился по сумасшедшему киношному ритму и после большого перерыва снял фильм «Ангел А» — лирическую картину о сошедшем с небес ангеле в виде высоченной девицы. Бессон, снова взъерошенный и снова почувствовавший потребность в сквернословии, приехал с фильмом в Москву и перед премьерой дал интервью обозревателю «НГ».

Люк, ваш новый фильм в определенной мере не характерен для вас — в нем не так много действия, совсем нет спецэффектов, зато герои бесконечно говорят. Это не оттого ли, что вы шесть лет не снимали и вам захотелось выговориться?

— Не знаю, хорошо это или плохо, но в последнее время в режиссуру пришло много людей из рекламы, из шоу-бизнеса, они принесли с собой множество новых технологий, множество новых инструментов, что ли, для создания кино. Вовсю стала использоваться цифровая техника. Еще шесть лет назад, когда я снимал кино, такого не было. И сейчас мне все это стало вдруг неинтересно, потому что за техническими новшествами

все больше и больше стали прятаться мысли и слова. А я люблю, чтобы все было по-настоящему, до конца. Я готов спать только в пятизвездном отеле, а если такового нет, то тогда на голом полу. Ничего промежуточного. К тому же в последнее время я работал над «Артуром», это фильм по моей книге с большим количеством техники, спецэффектов. Наверное, я устал, вот меня и шатнуло в другую сторону в поисках внутреннего равновесия. Захотелось чего-то более чистого, более выразительного.

— «Артура» вы написали для своих детей, для своих дочерей? Как Джоан Роулинг «Гарри Поттера»?

Почему я не могу сказать министру внутренних дел, что он не прав? Он такой же человек, как все, а Франция — демократическая страна

— В большой степени именно для них. В этой книге много о том, что надо принимать разницу между людьми, с уважением относиться к тем, кто отличается от тебя. Это очень важные вещи, которые я хотел бы объяснить своим детям. Но одно дело, когда мама или папа объясняют детям какие-то правильные вещи, а другое дело, когда то же самое объясняет книжный герой. Я могу часами пытаться что-то доказать ребенку, он только отмахнется — мол, иди, папа, без тебя проблем полно, но если это говорит, скажем, Артур... Совсем другой уровень авторитета. Мои девочки иногда прибегают: «Папа, ты знаешь, Артур сказал, что...» И повторяют то,

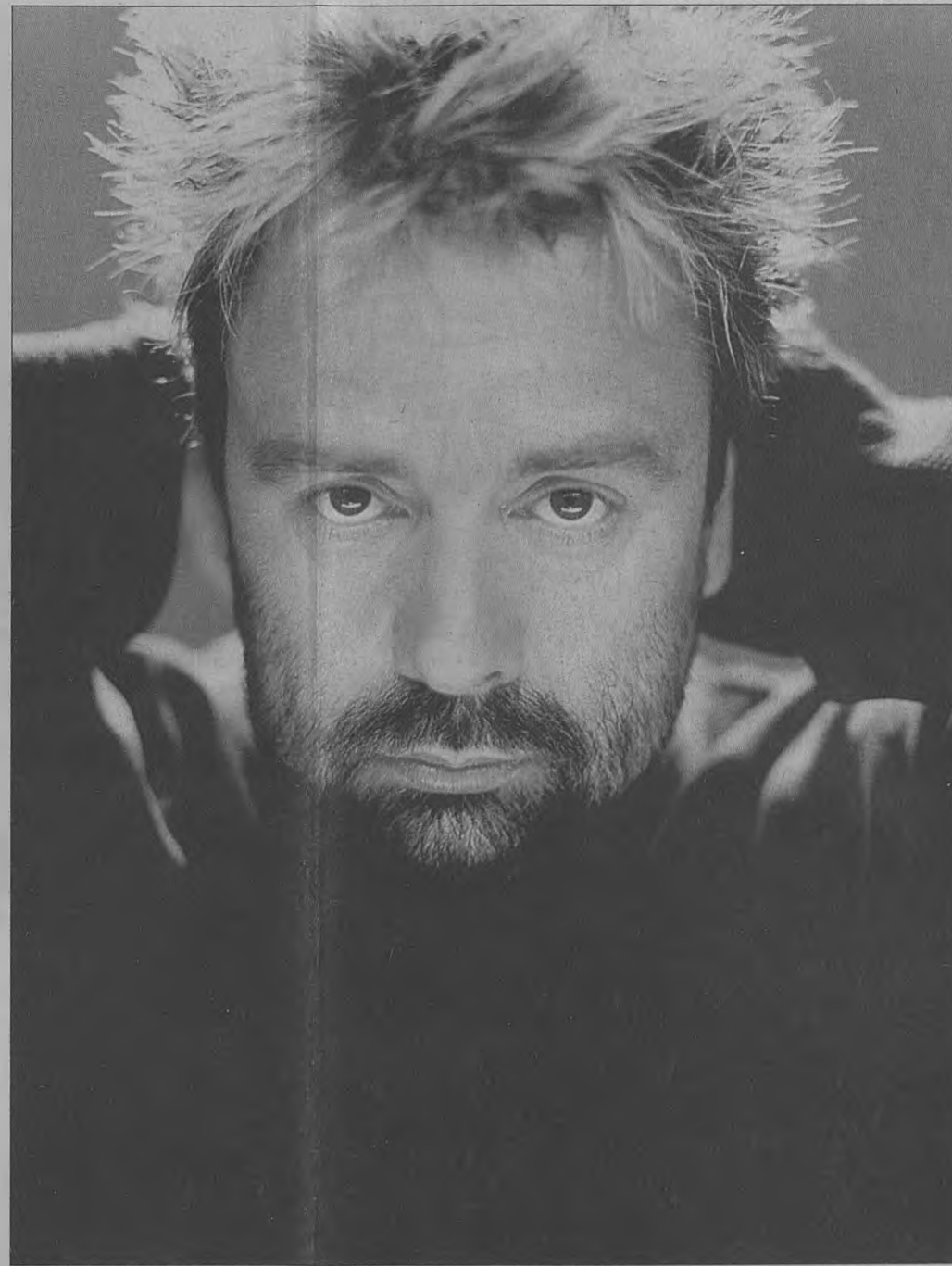
что я безуспешно пытался им втолковать.

— Слышала, что у вас нет кинематографического образования. Почему так получилось?

— У меня действительно нет специального образования. Я, правда, как-то решил все-таки поступить в киношколу, пришел на экзамен. Экзамен длился полторы минуты. Ровно через полторы минуты со мной не очень вежливо попрощались. Меня первым делом спросили, кто мой любимый режиссер, а я ответил неправильно. Назвал Спилберга, Скорсезе, Формана, тогда как надо было начать перечислять Годара, Трюффо и прочих.

— Наверное, и вам как продюсеру совершенно все равно, есть ли у приглашенного вами режиссера образование?

— Мне абсолютно все равно. Общение между режиссером и продюсером — очень чувственный, интимный процесс. Или представьте себе, что вы тренируете национальную сборную по теннису и видите 12-летнего мальчика. И вы понимаете, что лет через пять, если мальчик будет работать, а вы будете его тренировать, он станет чемпионом. Примерно так же и у продюсера с режиссером. Первый фильм может не стать его лучшим фильмом, но сразу должно чувствоваться, что в нем есть «фибры», дыха-

Бессон устал от спецэффектов, теперь ему хочется спокойного лирического кино.

Фото предоставлено компанией «Централ Партнершип»

ние. Значит, в будущем все получится.

— Ваш новый фильм называется «Ангел А». Вспомнился «Смутный объект желания» Бунюэля, где женщина высту-

пает то в роли ангела, то в роли дьявола. Для вас женщина — ангел или дьявол?

— И то и другое. Хотя нет, все же ангел. К женщине вообще я отношусь с огромным уважением.

Думаю, что женщины проделали колоссальную эволюцию, и теперь они гораздо более уравновешенны по сравнению с мужчинами.

— И сильнее?

— Безусловно. Мужчина доказал свою полную несостоятельность по части управления планетой и народами. Он умеет только воевать. Когда я вижу зрелость в женщине, которая никогда не отвечает силой на силу, просто потому, что она слабее физически, я думаю о том, что она куда с большим успехом занимала бы серьезные посты и управляла государством, нежели мужчины.

— Не потому ли герой вашего нового фильма смотрит на мир глазами тинейджера — уже не ребенка, но еще и не взрослого человека?

— Все правильно. Ребенок — отец человечества.

— Как-как?

— Я имею в виду, что все, что знает взрослый человек, рассказал ему ребенок. Мне вообще очень не нравится, как взрослые люди смотрят на детей, смотрят без уважения, словно сквозь них. Они им неинтересны. А при этом именно взрослые люди довели планету до того, какой она сейчас стала — грязной, замусоренной ядерными отходами. И я думаю, что мы просто не имеем права учить детей, какими им быть. Каждый год Национальная ассамблея приглашает детей на свои заседания и слушает их вопросы. Если бы хоть когда-нибудь взрослые прислушались к тому, что думают дети, и последовали их советам, то страна зажила бы по-другому, а не сидели бы мы в том дерьме, что сейчас. А председатель Нацассамблеи слушает детские вопросы и снисходительно улыбается.

— Говорят, у вас были проблемы с властями во время недавних беспорядков во Франции, вы вроде позволяли себе резко критические высказывания в адрес властей?

— Франция — все-таки демократическая страна, и я имею право высказывать все, что считаю нужным. У нас есть министр внутренних дел, который позволяет терпеть нестерпимые вещи

и который не должен этого делать — все-таки он отвечает за порядок в стране. И иногда имеет смысл высказать ему свое недовольство, что я и сделал. Подумаешь — он обычный человек, и в туалет ходит, как все остальные, почему же я не могу сказать ему, что он не прав? Пошел в министры — пусть слушает.

— Шесть лет назад вы были президентом жюри Каннского фестиваля. Вам удалось быть в полной мере независимым в принятии решений?

— О, совершенно русский вопрос. Ваша история привела к тому, что вы даже не представляете, что можно в такой ситуации быть совершенно свободным. А как я мог быть зависимым от кого-то? И какой тогда мне в этом интерес? Жюри — это, как правило, десять человек, по большей части артисты. Контролировать десять творческих людей — штука невыполнимая. Жиль Жакоб, директор фестиваля, даже не заходил в комнату, где мы заседали. Он даже своего мнения не высказал. Иногда, я знаю, он заходит к членам жюри, но обычно это бывает тогда, когда люди орут, ругаются, не могут прийти к одному мнению. Тогда директор просто пытается их примирить. А у нас такого не было. У нас даже и обсуждения-то не было. Я сказал тогда: «Давайте каждый напишет на листочке название фильма, который считает достойным «Золотой пальмовой ветви». Какой фильм получит больше всех — тому ветвь и дадим. Восемь из десяти человек тогда написали «Танцующую в темноте» Ларса фон Триера. Потом мы решили выбрать еще пять фильмов, которые должны что-нибудь получить, — просто взяли несколько фильмов, которые всем понравились, а потом уж «разбрасывали» их по наградам: этому за режиссуру, этому за сценарий и так далее. Какая в принципе разница? Думаю, я избрал очень демократический путь.

Независимая. — 2006. — 10 марта. — с. 12.